

Резные перила окаймляли недоигранную партию: черные и белые камни в беспорядке рассыпались по доске, припорошенные лепестками грушевого цвета. Рядом, забытая, стояла чашка с остывшим чаем, в изумрудной глубине которой лениво покачивался единственный лепесток.

Дым от курильницы в тишине чаепития все еще зелен,

После партии в шахматы у окна пальцы все еще холодны.

Возле доски, подложив руку под голову, спал юноша. Его густые, как вороново крыло, волосы были небрежно собраны, а остальная их копна струилась по тонкой спине. Юное хрупкое тело мерно вздымалось в такт дыханию, словно у котенка, а открытая часть лица, белая и гладкая, словно фарфор, мягко поблескивала в лучах света. Несколько лепестков, словно замороженные красотой, опустились на его изящное ухо и пряди волос, не смея потревожить сон красавца.

— М-м... — юноша тихонько простонал и пошевелился, явив миру ослепительное лицо. Под изящными бровями темнели густые ресницы, обрамлявшие прекрасный разрез глаз, а под точеным носом алым бутонем алели пухлые губы. Их контуры, влажные и нежные, были слегка приоткрыты, маня своей незащищенностью. Лицо, подобное драгоценному нефриту, светилось невинным очарованием. Юноша нахмурился, медленно приоткрыл глаза, похожие то ли на звездное небо, то ли на разлитую тушь, и в этот миг показалось, будто расцвел дивный цветок.

Чжоу Бай открыл глаза, чувствуя, как раскалывается голова. В ушах звенел механический голос: Дзинь! В связи с обнаружением нарушений правил в городском Мире, Главная Система приняла решение запечатать боевую мощь носителя под номером 0216 на 99,99%, духовный корень — на 100%, а духовную силу — на 99%. Носитель переведен в Мир наказания уровня В.

Чжоу Бай прикрыл глаза, ощущая, как внутри, в области Дантяня, пусто и слабо. Лишь несколько нитей чужеродной энергии бессистемно блуждали по меридианам, а из-за запечатанного духовного корня это тело казалось ему абсолютно никчемным. Оценив состояние оболочки, Чжоу Бай насмешливо покачал головой и принялся изучать переданные Системой сюжет и задачи.

Спустя десять минут он открыл глаза и дернул уголком рта. В этот раз он — главный герой мира, Хуа Юйтан, нелюбимый третий сын в Резиденции Правого канцлера и первый красавец Поднебесной.

И, к тому же... это гаремник, где все его хотят.

Невидимый для всех Хуа Юйтан из-за своей робости и мягкости постоянно терпел издевательства в доме. Когда все обитатели Резиденции Правого канцлера должны были отправиться на императорский пир, он хотел спрятаться, но его старшая сестра, ослепленная завистью к его красоте, подставила ему подножку, надеясь опозорить перед всеми.

Она не ожидала, что это падение сделает Хуа Юйтана знаменитым на весь мир. Но именно

тогда началась его трагедия: отец и брат (не родной) обратили на него внимание, и невинный юноша стал для них игрушкой для удовлетворения похоти. Император, увидев его на пиру, не смог забыть и нашел предлог забрать его во дворец. В окружении одержимого императора, ревнивых наложниц и подозрительной Вдовствующей императрицы Хуа Юйтана жил в аду. Одинок и беспомощный, он полюбил Маркиза Сюэи, который казался холодным, но был единственным, кто проявлял к нему нежность. Однако вскоре он случайно узнал, что Маркиз лишь использовал его, чтобы подобраться к императору и отравить его, совершив переворот.

Когда сердце Хуа Юйтана окончательно очерствело, его похитил Глава Секты Демонов, прослышавший о его красоте. Затем в его жизни появились Глава Союза Боевых Искусств, защитники секты, странствующие рыцари, музыканты, лекари... В итоге, после бесчисленных издевательств, предательств и унижений, он сбросился со скалы. Весь текст состоял из бесконечных постельных сцен, откровенных и пошлых. И Чжоу Бай оказался здесь как раз в тот момент, когда эта вакханалия должна была начаться.

Чжоу Бай усмехнулся. Похоже, проверка Системы прошла успешно: даже с запечатанными способностями в мире наказания он чувствовал себя вполне комфортно.

Он сел, лениво опершись на красные перила, и посмотрел на свое отражение в воде: кожа как нефрит, черты лица — словно картина.

Красавец в воде едва заметно улыбнулся, и даже зеркальная гладь пруда, казалось, затрепетала, завороченная этой улыбкой. Такое лицо — определенно источник проблем, подумал про себя Чжоу Бай.

— Боже, ты только не испорти его, умоляю! — внезапно возник Сяо Бай. — В этот раз твое задание напрямую связано с этой внешностью!

— О? И что за задание?

— Поскольку это мир наказания, заданий три. Первое: защитить эту несравненную внешность и чистоту тела. Второе: отомстить всем, кто предал Хуа Юйтана. Третье: получить титул Честного генерала/чиновника или Роковой красавицы. И ты должен строго следовать маршруту Хуа Юйтана: Резиденция — Императорский дворец — Княжеская резиденция — Секта Демонов — Мир боевых искусств. — Сяо Бай с тревогой посмотрел на него. — И еще: в этом задании Система не стала менять имя персонажа на твое.

Чжоу Бай промолчал. Мир наказания, хоть и уровня В, оказался довольно суровым.

Он взял со стола фарфоровую чашку с синим узором и, глядя на свои тонкие пальцы, блее самого фарфора, тихо усмехнулся:

— Не думал, что спустя три тысячи лет мне пригодится Шэн, который не раз спасал мне жизнь...

— Ну что ж, нападайте. Кто сказал, что без духовной силы я стану беспомощным?

Внезапно в саду послышался шум. Служанка Чжэньчжур вбежала в комнату, бледная от страха:

— Молодой... молодой господин, старшая барышня идет...

— Чего ты испугалась? — Хуа Юйтан мягко улыбнулся. — Пусть идет.

* * *

Едва Чжоу Бай закончил фразу, как в комнату вошла изящная фигура. На девушке был розовый расшитый золотом жакет, подчеркивающий талию, и юбка из мягкого шелка цвета алого заката. В ее густых волосах поблескивала золотая шпилька с жемчугом и нефритом. Девушка была красива, с нежной кожей, но рядом с Хуа Юйтаном, облаченным в белое, она выглядела вульгарно и фальшиво.

В ее глазах читалась злоба. Она нервно теребила платок пальцами с красным лаком и, прикусив губу, произнесла:

— Отец и старший брат хотят тебя видеть. Послезавтра ты должен явиться в главный дом. — Она бросила на Хуа Юйтана тяжелый взгляд и поспешила прочь.

— ...

Чжэньчжур неуверенно пробормотала:

— Обычно она не отпускала молодого господина так просто... И почему хозяин и старший господин передали приглашение через нее? Не затевает ли она чего?

Хуа Юйтан робко потянул служанку за рукав:

— Сестрица Чжэньчжур, она... она ведь моя сестра, не причинит мне зла.

— Господин! Вы что, не помните, что она сделала на пиру?! — Чжэньчжур сжала зубы, глядя в его большие влажные глаза, и не смогла продолжить. — Ох, господин, ну почему вы такой наивный! Нужно же быть хоть немного осторожнее!

— Знаю-знаю, — глаза Хуа Юйтана превратились в сладкие полумесяцы. — Сестрица Чжэньчжур лучше всех ко мне относится.

От этой улыбки лицо Чжэньчжур вспыхнуло. Она закрыла глаза и отвернулась:

— Господин, опять вы так улыбаетесь! Если я потом никого не смогу полюбить, это будет ваша

вина! — проворчала она, краснея до корней волос.

— Ха-ха-ха!

В маленьком дворике звенел смех юноши и возмущенные возгласы девушки. Грушевые деревья роняли лепестки, и время казалось застывшим и безмятежным.

Чжоу Бай проводил взглядом Чжэньчжур, и невинная улыбка на его лице медленно трансформировалась. Еще минуту назад он был весенней водой, а теперь стал острым, холодным клинком.

— Верная служанка, — тихо прошептал он и усмехнулся. — А старшая сестра забавна. Еще совсем ребенок. Прибежала предупредить из жалости? А я ведь собирался начать свои действия именно с тебя. Похоже, план придется пересмотреть.

— Сяо Бай, готовься, сегодня ночью мы идем собирать травы, — отдал приказ Чжоу Бай.

— Позвольте мне в этом чужом мире сделать имя Принца Ядов вашим кошмаром снова, — глаза Чжоу Бая потемнели. — Как же я... «скучал».

* * *

Два дня спустя.

Хуа Цзинжань стоял у входа в Северный сад, наблюдая за юношей, который опирался на ствол грушевого дерева. Он никогда раньше не смотрел на этого брата всерьез. Его охватило смутное чувство, а затем на губах появилась презрительная усмешка: пусть он и первый красавец, но Хуа Юйтан — просто пустышка, красивая обертка с гнилью внутри.

Он медленно подошел ближе и заметил книгу в руках юноши, испещренную пометками на полях. Хуа Цзинжань с любопытством взял ее и замер. Он не ожидал, что этот недотепа пишет таким каллиграфическим почерком — твердым, как сталь, и изящным, как серебряный крюк. В каждой строке чувствовалась мощь меча.

Хуа Цзинжань углубился в чтение.

С каждой строкой его охватывало все большее удивление, а затем — восторг. Старший сын канцлера, глава четырех главных талантов столицы, не смог оторваться от этих записей. Глубокие познания, широта кругозора и дерзкий, свободный взгляд на вещи — все это было в разы совершеннее того, что было написано в оригинале книги!

Он читал, забыв обо всем, и в конце концов, сам того не заметив, опустился на землю рядом с Хуа Юйтаном.

Смеркалось. Вороны кричали в кроваво-красных закатных лучах. Хуа Цзинжань очнулся, словно от сна. Он закрыл книгу и поднял глаза, встретившись с другим взглядом — глубоким, как сама Вселенная, где рождались и умирали звезды.

Хуа Цзинжань забыл, как дышать. Он увидел, как глаза юноши изогнулись, и услышал голос, чистый, как звон струн:

— Старший брат.

Закат залил лицо Хуа Цзинжаня алым цветом.

Позже он помнил лишь одно: как в тот вечер, ослепленный закатом, он бежал оттуда, не оглядываясь.

С того дня Чжоу Бай с недоумением обнаружил, что Хуа Цзинжань стал появляться повсюду. Утром он открывал окно — Хуа Цзинжань стоял у входа в Северный сад, любясь цветами. В полдень — он снова там, читает стихи. Больше того, когда Чжоу Бай выходил за пределы сада искать травы, он умудрялся «случайно» встретить брата семнадцать-восемнадцать раз.

Так продолжалось несколько дней. Даже спокойный Чжоу Бай не выдержал. Он не ожидал, что несколько записок на полях вызовут у брата такой «постоянный интерес». Поначалу он пытался вежливо здороваться, но стоило ему открыть рот, как лицо Хуа Цзинжаня краснело, он терял дар речи и убегал. Но в следующий раз все повторялось вновь. В конце концов Чжоу Бай перестал обращать на него внимание. В конце концов, Хуа Цзинжань наверняка откладывал встречи с Правым канцлером, выигрывая для него время, чтобы он мог укрепить свои позиции. Разве он не должен быть ему благодарен? Чжоу Бай вертел в руках фарфоровый флакончик, улыбаясь невинно и чисто, как младенец.

* * *

Ночью лунный свет просочился в комнату, очертив холодным серебром фарфоровый профиль Чжоу Бая.

— Смотрим друг на друга, но не слышим, желаю лунному свету осветить тебя, — раздался мужской голос, нарушив тишину. — Даже если луна прекрасна, перед твоим сиянием она меркнет.

Человек в зеленом одеянии грациозно спрыгнул со стены, картинно обмахиваясь белым веером:

— Я — Су Лэн, приветствую вас.

Из-за веера на него смотрели загадочные и нежные глаза.

— Первый красавец Поднебесной.

<http://bllate.org/book/19864/1955433>